Рисунок Марины Медведевой

— Ну вот, — сказал я, с досадой оглядев разводы на лацканах и брюках. — Теперь мне нужен новый костюм.

— И новая прическа, — добавила Одиль, тронув мою мокрую шевелюру.

— И целая новая жизнь, — резюмировал Родион.

— Для начала бы — еще сидра, — попросил я и протянул чашку аккурат в тот момент, когда Родион допил из горла последнюю, с корзинкой груш на желтой этикетке, бутылку *Breton doux*.

Родион швырнул пустой сосуд в сторону, чудом ни во что не попав, и мы синхронно, не сговариваясь, легли там, где и сидели. Зеркальными стеклами смотрели на нас призрачные небоскребы, а мы знай себе уставились на небо, которое они так хотели скрести. Мы распластались на дороге: во всех смыслах непутевые, растерянные, выжатые молодые люди, лишенные сил и желания что-то предпринимать. На высоких скоростях мимо нас летели, обдавая горячим воздухом, машины, почему-то все грузовики да фуры. Они делали это бесшумно, словно некто могущественный щелкнул пальцами и запретил им издавать звуки, зато мы не слышали собственных мыслей — а какие у нас были мысли! — из-за самолетов. С их помощью могущественный некто усердно чертил на бескрайней лазурной доске прямые, которые пересекались тем чаще, чем дольше мы глазели ввысь.

— Одна, две, три, десять, восемнадцать... — считал Родион.

— Когда махнем к Мирославу? — опомнилась лежавшая между нами Одиль.

— Это... Небо... — бормотал я себе под нос, не смея моргнуть.

— Двадцать семь, сорок шесть... Сорок шесть... Шесть сорок... К шести сорока?

— А не к без двадцати семь?

— Будет...

— Двадцать семь? Двадцать семь было! А вот шесть... — Родион повернулся к Одиль и выпучил глаза. — Сорок!

— Ей-же-ей, шесть сорок!

— Нашим!.. — громко сказал я и ткнул пальцем в то, что хотел присвоить.

Одиль повернулась ко мне и выпучила глаза — лазурные, накрашенные, с подкрученными ресницами. Я повернулся к Одиль и, не опуская руку, со всей серьезностью на свете заявил:

— Это небо будет нашим.

Глаза, которым небо принадлежало давно и безраздельно, согласились. Глаза все знали. Глаза понимали.

Мы замолчали и задержали дыхание. Медленно, не сгибая ног, Одиль поднялась. Я и Родион последовали ее примеру.

— Внимание! Слушай мою команду!

Мы тотчас встали и отдали честь. Иного ничего и не оставалось.

— Арман дело говорит. Оно будет нашим. Сейчас считать не надо. Потом — удобнее. Пора в путь!

Одиль хлопнула в ладоши, и мы побежали, забыв про колонны тяжелых авто вокруг. Дыхалка быстро меня подвела, и я чуть не переключился на ходьбу, Одиль глядела по сторонам и смеялась, а Родион скакал впереди нас, часто оборачивался и припрыгивал, как последний задавака. Дорога становилась все более и более крутой, мои коленные чашечки начинали трескаться, а этим двоим — хоть бы что. Когда мы преодолели четвертую издевательскую лестницу, я запротестовал, но небо все еще плыло в глазах Одиль, так что бунт мой не имел перспектив. Лестницы закончились, но сил не прибавилось.

Очередной грузовик окатил меня жаром, я дотронулся до липкого, намоченного сидром лба и подумал: как они так свистят мимо нас? Как это, интересно, никто из нас до сих пор не?.. И тут Родион, зазнавшийся и оторвавшийся, поймал свой КамАЗ, да так поймал, что нам одни лишь его мокасины и было видно. Одиль остановилась и прикрыла рот ладонью. Мы переглянулись, испуганно двинулись к КамАЗу — и тут я подумал: нет, ну не может, не бывает так! Раз — и мертв? Да ерунда. Куда это годится? Чушь полная. Дудки.

Когда мы обошли машину, Родион лежал и улыбался с закрытыми глазами, сложив руки под головой и закинув ногу на ногу.

— Я все, — объяснился он. — Я устал.

— Все устали. Обеспечь нам колеса, — скомандовала Одиль.

— Слушаюсь!

Он сбегал за разлетевшимися в разные стороны мокасинами, спешно обул их, затем помахал и остановил черную легковушку — редкого на тех путях гостя. Подальше отведя завернутую в плащ тень водителя, он пожал ей руку и похлопал ее по плечу. Когда вернулся, потряс брелком с ключами и игральными кубиками. Пижон!

Вести заставили меня, потому что я сильнее пах сидром. Кроме того, я забыл права, что тоже плюс. Решение мне не понравилось, но виду я не подал.

— О! Это же «Кости»! — Одиль высмотрела с заднего сиденья знакомый клуб. — Вот она, остановка наша!

— А Мирослав что? — поинтересовался Родион, копаясь в бардачке.

— Сколько времени? Мы к нему успеваем? — справилась Одиль.

— Шесть тридцать восемь.

— Нормально. Успеваем. «Кости», мы идем! Только... — Она стала шарить по сиденью и полу, затем победно поднялась. — Вот! Арман, тебе свезло. Тут нашлась бабочка. Сейчас я ее повяжу: так на тебе будет хоть что-то, не заляпанное сидром, и тогда в «Костях» тебе почистят пиджак!

Я отреагировал в том духе, что сейчас — не вполне удобное время для операции, сравнимой со штурмом Измаила, но, разумеется, тщетно: Одиль знала лучше. Со словами «Не спорь! Может быть, еще и жилет почистят!» она прямо на ходу терроризировала меня шерстяной бабочкой — и, в конце концов, завязала ее неправильно, однако я был рад просто освободиться от удушья.

В «Костях» обнаружилась целая орава знакомых мешков с костями, которая под гром больших барабанов отрезала меня от Одиль и Родиона, успевших тихонько проскользнуть к барной стойке. Ах, все эти лица! Никто не оставлял бокала ни на минуту, хотя по морщинам, пятнам, синякам и вздохам было ясно, что лучшие свои глотки они уже сделали. И — слов, как много надо им было моих слов! Хорошо дела, спасибо, не жалуюсь. Нет, благодарю, не хочу шампанского. Да, развелись недавно. Угу, так тоже бывает. И канапе не желаю, спасибо еще раз. И рыбу. Дочка? А как же! Ай-ай-ай... Что вы говорите! Да не буду я шампанское!

Отступая, я аккуратно попал плечами в руки Альи — крохотные, как у всех казахских девушек. Я обернулся. Барабаны смолкли, вместо них наждачкой по металлу запел старина Армстронг:

Under a blanket of blue...

— Привет! Я ждала тебя.

— О, привет! Рад видеть. А давно ты?..

Just you and I beneath the stars...

— Ой, что это с пиджаком у тебя? И вообще...

— Да вот, выпили так выпили, — объяснил я. — У меня, кстати, бабочка чистая.

— Скинь его, давай сюда.

Алья села на кожаный диван рядом с сервантом и, как могла, чистила пиджак мокрой тряпкой. Позвоночником я ощущал на себе любопытные взгляды, но когда повернулся, все потеряли ко мне интерес — и слава богу.

— Как славно, что ты зашел, — сказала Алья, не отрываясь от дела.

— Наверное. — Я пожал плечами, не зная, что ответить.

Let's dream a dream of love for two...

— А если я попрошу тебя в Сибирский федеральный округ ко мне приехать — приедешь? — спросила она и подняла на меня глаза.

Я замялся и не сумел выдавить даже чего-нибудь неопределенного.

— Ладно, — сказала она и вернулась к чистке. — Не надо в Сибирский федеральный округ. Ты приезжай хотя бы тут.

— Хорошо.

Вскоре она отложила пиджак, смочила тряпку в миске с водой, встала и начала стирать с моего лба засохший сидр.

— Иногда хотя бы.

Смотря в ее карие глаза, я улыбнулся и заботливо провел пальцами по щеке, мягкой и нежной, как у всех казахских девушек, и тут Родион с Одиль схватили меня под руки и повели из «Костей» прочь. Судя по яблочному запаху, у барной стойки эти двое не лясы точили.

Under a blanket of blue...

— Шесть тридцать девять уже. Пора, пора, пора! — нараспев объявила Одиль.

Пиджак, забытый и подновленный, так и остался на диване. Алья провожала меня взглядом, неумело скрывая грусть.

На этот раз вел Родион, и он как от погони уходил; мне пару раз становилось дурно. Одиль веселилась, требовала поддать газу — и лихой наш водитель не смел перечить. Когда в поле зрения оказалась кирпичная арка ворот с вывеской *Cerulean Sky Rooms*, почему-то не продублированной по-русски, я закричал Родиону: «Тормози! Тормози, придурок!» Придурок не надавил на педаль, а крутанул руль под нечеловеческий вопль Одиль: «Мы впишемся!»

Мы не вписались.

Машина растворилась в воздухе, и мы опять лежали. Нам было лень считать линии. Нам лень было двигаться. Все нам, строго говоря, было лень, но очень хотелось сидра. Я нашел в себе силы узнать у этих двоих, одинок ли я в своем желании.

— Мало тебе? — спросил Родион.

— Я так и не выпил ту чашку, после которой идут новый костюм и новая жизнь.

— И вообще, из-за тебя все, — надулась Одиль.

— Конечно, — поддержал Родион. — Ты же *Breton doux* облился. Мы потому и опаздываем.

— Сколько сейчас?.. — спросила Одиль.

— Мне пиджак чистили! — пытался защититься я. — Лоб протерли. Кстати, а кто-нибудь вообще помнит, как я об...

— Волосы мокрые. Брюки угвазданные! — атаковал Родион.

— Время, черт возьми!.. — пыталась вклиниться Одиль.

— Все еще шесть тридцать девять, — быстро сказал я ей. — Но пиджак-то я забыл!

Двое смотрели на меня осуждающе.

— И бабочка у меня чистая... К Мирославу же так получится? — спросил я с тревожными нотками в голосе.

Одиль внимательно, оценивающе на меня посмотрела и задумчиво проговорила:

— Не знаю, не знаю... Может и не получиться... Мирослав — он такой.

— Да получится, — не согласился с ней Родион. — Пойдем попробуем. Извинимся, если что. Сидру хлебнуть наверняка успеем, в любом случае.

Отряхиваясь и поддерживая друг друга, мы ввалились в *Cerulean Sky Rooms*, со скрипом преодолели древнюю винтовую лестницу, вывалились в коридор, встали перед неплотно закрытой дверью номер 46 и прождали там, казалось, целый вечер. В какой-то момент дверь стала закрытой еще менее плотно, и в проеме сверкнули круглые стеклышки очков Мирослава.

— Проходите, что же вы! — пригласил он нас, распахнув дверь шире и торжественно указав нам путь. — Как раз вовремя.

Петро и Нил, пришедшие, очевидно, раньше нас, расположились близ застеленного желтой скатертью кофейного столика, на котором ждала своего часа корзинка груш, бретонские чашки и зарытые в лед бутылки яблочного. Стену позади столика украшала карта Южной Азии, помещенная в золотую рамку. Девушка из телевизора вещала о погоде в Маниле. На мраморной полке камина величественно высился гипсовый бюст Мао; в сердцевине камина хозяйничал огонь. Мирослав поворошил кочергой угли:

— Ну что, вот и собрались шесть сорок в шесть сорок, а? Приступим.

Левой рукой Родион обнял Одиль, а сидевший по левую же руку от нее Петро измельчал груши пугающе толстым ножом и рассказывал, как здорово макать ломтики в сидр. Нил потер грушу о рукав, взял свою порцию яда, пожал плечами и ретировался к камину. Мирослав неутомимо болтал, изредка оживляя речь забавными матерными вставками. Даже после глубокого охлаждения яблочный оказался для меня чересчур кислым, и на долгое время я выпал из всех разговоров. Не сказать, чтобы я сильно о том жалел: обсуждали какие-то котировки, новые авто, цены на жилье, акцизы на алкоголь — будто их волновало что-то, кроме сидра! Когда девушка из телевизора начала говорить о погоде в Джакарте, некто сверху заглушил ее — и заодно всех нас — перфоратором. По окончании звуковой атаки лицо Мирослава приобрело демонический оттенок, он вскочил с раскладного стула, схватил кочергу, прыгнул к камину и с размаху расшиб гипсового Кормчего вдребезги.

— Ублюдок! Ублюдок! У-блю-док! — истошно орал он в безликий потолок. — Я два часа кряду ждал, когда наконец объявят погоду в Джакарте, и этой сволочи надо было вклиниться именно сейчас! Ненавижу, мразь!

Петро встал и хотел было призвать его успокоиться, но Мирослав дал понять, что скоро остынет, после чего, замешкавшись, хотел за чем-то пойти, но смышленый Петро остановил его и заверил, что сходит сам. Мирослав сердечно его поблагодарил и, взглянув на Нила, разразился еще более сердечными извинениями, бросился стряхивать с него ошметки Мао и налил ему новую чашку.

— Это животное, он меня уже пять месяцев мучает. Жить не дает, — жаловался он, вновь усевшись и придя в себя. — Казалось бы, такое место, такое здание... Будто и не переезжал из Свиблово никогда. Одно его извиняет: он пианист — и хороший, мать его, пианист. Это слышно, когда он упражняется. Он, кстати, чаще всего после перфоратора садится. Вот слушайте, слушайте — идет...

Раздалось несколько шагов, и виртуоз перфоратора сел играть «Венгерские рапсодии» Листа. Из глубин комнатного сумрака вернулся Петро и водрузил на камин очередной сгусток гипса — физиономию Пол Пота.

— Ладно, давайте лучше выпьем за этого чудилу, — предложил Мирослав, протерев очки. — Оно ведь, в конце-то концов, все так и есть, как он исполняет: то перфоратор, то пианино, то черное, то белое — и хоть тут плачь.

Мы опрокинули еще по чашке, и я заметил, что Родион ослабил хватку, дав возможность поговорить с Одиль. Радость эта мне перепала ненадолго, и совсем скоро к нашей беседе подключилась вся компания, хотя тон по-прежнему задавали мы с Одиль.

— Нет, подожди, я не поняла: почему ты решил, что хорошо знаешь малых голландцев? Потому что не только в Эрмитаже бывал?

— Проехали, Одиль.

— Нет, не проехали! — пробовала она себя в роли прокурора. — *Нет*, не проехали! И зачем противопоставлять де Хоха Вермееру, а? Хочешь выглядеть умнее, чем ты есть?

— Я уже готов сознаться в чем угодно, лишь бы ты успокоилась, солнце.

— Сознавайся!

— Я хочу выглядеть умнее, чем я есть, — сказал я тоном, который невозможно воспринимать всерьез.

— Плохо стараешься! Скажи так, чтобы я поверила! Чтобы сам почувствовал... Чтобы все поняли!

Все просто наблюдали с изумлением.

— Не занудствуй, — подчеркнуто ласково сказал я и расплылся в улыбке.

Исполнитель «Рапсодий» извлек из пианино такие звуки, словно его как следует ударили веслом по спине. В меня уперлись недобрые взгляды.

— Послушай, Арман... — начал Мирослав, болтая чашку из стороны в сторону. — Я, вообще-то, спокойно отношусь ко всему, что мне не нравится в моих гостях,

но я не мог не обратить внимание, что за вечер ты уже раз десять назвал очаровательную Одиль занудой...

Перебив его, я твердо сказал, что ничего подобного не имело места.

— Я повторяю... — продолжал он, пропустив мои слова мимо ушей. — Ты. Назвал. Одиль. Занудой. *Неоднократно.*

— По-моему, больше десяти раз, — поддакнул Петро, нарезавший последние груши.

— Вот видишь, не я один! Не я один слышал! Даже больше. Я нахожу это...

— А мне кажется... — начал Нил, но Мирослав тут же велел ему заткнуться.

Родион обнял Одиль, которая рассматривала корзинку и не двигалась.

— Еще раз: не было такого. Я за весь вечер...

— Сейчас говорю я, дружок. Я у себя дома. Ты — мой гость. Я и так сделал тебе одолжение, закрыв глаза на твой сегодняшний наряд. Так что изволь...

— Что ж, тогда проблема решается легко, — сказал я, поставил чашку и спокойно пошагал к двери. — Да и сидр у тебя — дрянь.

Он опять прыгнул к камину, вооружился, размолотил второго диктатора за вечер, занес кочергу над головой и помчался на меня — почему-то очень медленно и, казалось, из какого-то далекого далека.

— Во всем виноват ты! — орала Одиль. — Вечно тебе все не так! Все не такие! Почему ты постоянно уходишь, а? Почему так поступаешь со всеми?

Я молчал.

— Ты хоть раз обо мне вспомнил? — Она еле удерживалась от плача. — Хоть однажды сам мне позвонил? Так сложно было поехать со мной в Стамбул, когда я звала? Или на каток сходить? Придурок! Ты что, правда думаешь, что я бы сейчас носила ребенка от этого недоумка, этого выскочки, если бы только...

Родион поник взглядом. Мирослав все бежал с открытым, как у подсеченного пескаря, ртом. Я по-прежнему молчал.

— Это небо будет нашим? — с надеждой вопросила она, сверкнув глазами. — Ведь будет же?

Не в силах отвести от нее взгляд, я сказал:

— Да оно и так твое.

Ее влажное лицо перекосила ярость, она отобрала у Петро нож и метнула его наотмашь. Когда Мирослав неспешно опускал на мою голову кочергу, я развернулся, открыл пораженную стальным лезвием дверь и захлопнул ее с другой стороны.

Часы показывали шесть сорок два. Лист разносился по всему зданию. Я побрел по коридору, надеясь отыскать источник звука, и попал в окружение густой тьмы; пол незаметно сменился ступеньками, стены сузились, но и рапсодия звучала все громче. Помогая руками, я выкарабкался из тесного прохода в огромный зал, отделанный с оглядкой на интерьеры Большого театра. В разных его концах играли в гольф и танцевали немногочисленные, поглощенные собой люди. Приметив лестницу и дверь в фиолетовой стене, я тихо направился к ним. Когда до ступенек оставалось шагов пять, откуда-то сбоку появилась и преградила мне путь вальсирующая пара. Я подался в сторону, но дама вытянула руку со старым фотоаппаратом. Я посмотрел на грозную, аномально крупную вспышку. Дама нажала на кнопку.

Закончив судорожно тереть глаза, я обнаружил себя на прозрачной дорожке, вдоль которой с обеих сторон толпились ликующие люди. Все они смотрели сквозь меня, а я глядел сквозь пол и вспоминал виды из иллюминаторов. Совсем невысоко плыли облака: если бы кто-то из зевак одолжил мне длинную библиотечную стремянку, я наверняка сумел бы коснуться их.

Делать было нечего: я развязал бабочку, оставив ее концы свисать с шеи, и двинулся по прямой. Хотелось пить. Когда толпа растаяла, Лист начал стихать, а пол под ногами стал мутным, как лед, пить захотелось чего-нибудь согревающего. «А если бы он не Листа исполнил?» — думал я, сунув руки в карманы и скукожившись. «А если бы он, например, Дебюсси заиграл? А если бы я пиджак не оставил? А если...»

Лист завершился; вместо него заплакали младенец и колесная лира, закружились в танце, буравя пол тенями, то дервиши мрачные, то обладательницы коньков счастливые, и когда на лице моем находили приют первые звездочки снежинок, когда совсем уж стало невыносимо и скользко и душно, я увидел машину — точнее, все то, что ею однажды было.

Родион распластался спереди, Одиль — на заднем сиденье. Накрытые одеялами из битого стекла, они крепко спали: во всех смыслах непутевые, растерянные, выжатые молодые люди, лишенные сил и желания что-то предпринимать. Небо закончило свое дело, обильный снег угомонил и песнь, и танец; я позволил себе лечь рядом — и, попрощавшись, сомкнул глаза.